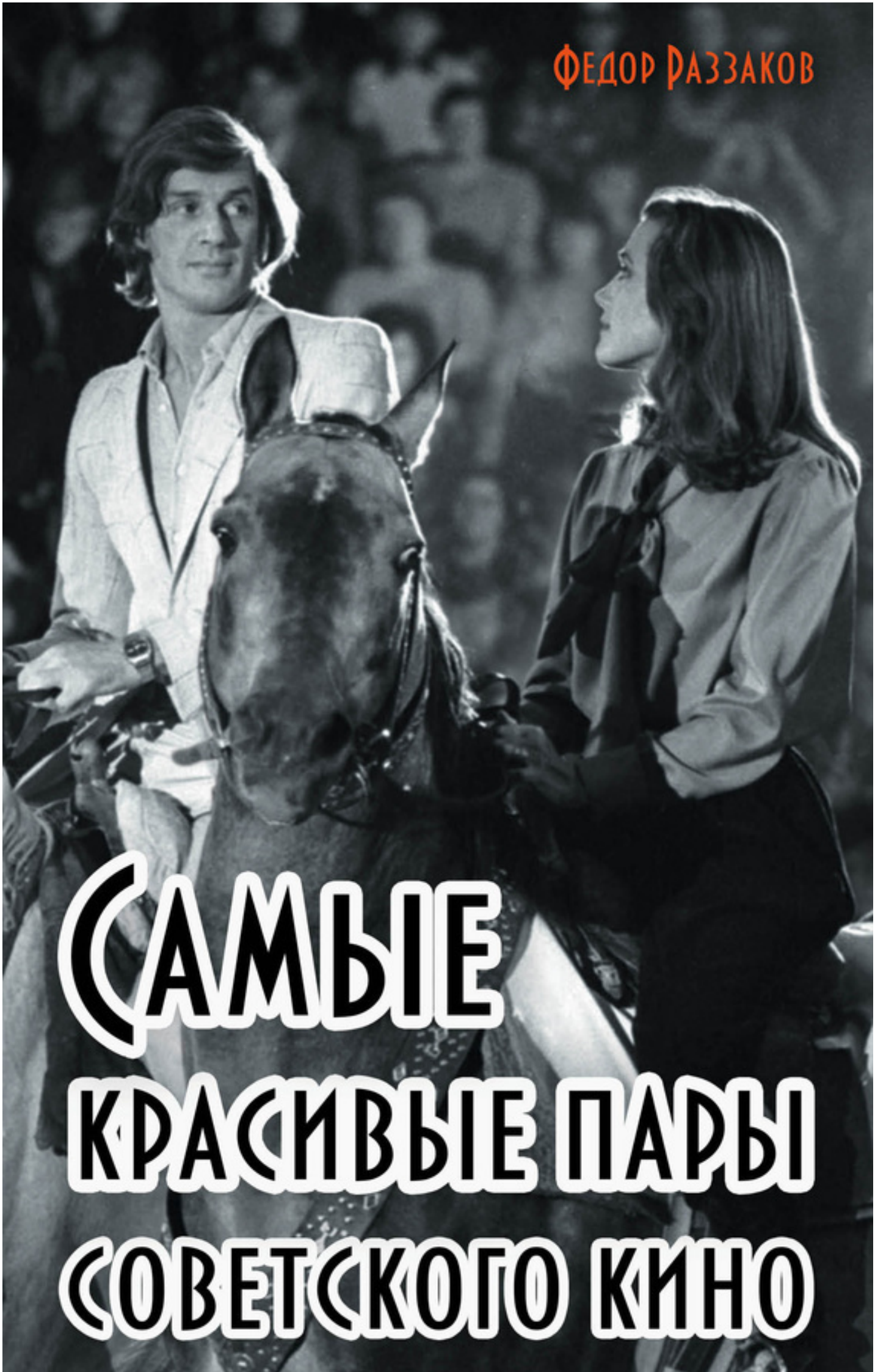
Федор Раззаков
Самые
красивые пары
советского кино

Федор Раззаков

Самые красивые пары советского кино

«Эксмо»

2015

УДК 791.43.071.2(47+57)
ББК 85.373(2)

Раззаков Ф. И.

Самые красивые пары советского кино / Ф. И. Раззаков — «Эксмо», 2015

Александр Абдулов и Ирина Алферова, Евгений Жариков и Наталья Гвоздикова, Леонид Филатов и Нина Шацкая, Михаил Ульянов и Алла Парфаньяк… Их было не так уж много в советском кинематографе – этих красивейших супружеских пар! Но как ими восхищались миллионы любителей отечественного кино! Как старались им подражать, быть на них похожими. Как клеили на стены, словно иконы, фотографии этих почти что сказочных семейных пар, чтобы всегда быть рядом с ними, любоваться ими, находить защиту и покровительство в свете их божественной любви и красоты. Казалось, что у таких безупречно красивых и талантливых людей и семейная жизнь красива и безупречна. И потому как недоразумение, как нелепую ошибку страна воспринимала сообщения о разводах, изменах и драмах в тех лучезарных небесных семьях. Но жизнь есть жизнь, и вопреки надеждам миллионов семейные драмы и скандалы не обходили стороной и всеобщих любимцев. Звездные пары распадались. Кто-то развелся. Кого-то навеки разлучили обстоятельства. А кто-то и поныне живет вместе и счастливо…

УДК 791.43.071.2(47+57)
ББК 85.373(2)

© Раззаков Ф. И., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Сергей Бондарчук и Ирина Скобцева 6
Михаил Ульянов и Алла Парфаньяк 19
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Федор Раззаков
Самые красивые пары советского кино

Во внутреннем оформлении использованы фотографии: Виталий Арутюнов, Анатолий Гаранин, Борис Кауфман, Михаил Озерский, Валерий Плотников, Георгий Тер-Ованесов, Владимир Федоренко, Михаил Филимонов, Екатерина Чеснокова, Б. Виленкин, А. Ковтун, В. Нисанов, Шахвердиев / РИА Новости;

Сергей Бертов / Интерпресс / Фото ИТАР-ТАСС; Алексей и Николай Агеевы, Владимир Завьялов / Фото ИТАР-ТАСС;

кадр из фильма «Сережа», реж. Г. Данелия, И. Таланкин

© Киноконцерн «Мосфильм», 1960 г.

© Раззаков Ф. И., 2015

© Киноконцерн «Мосфильм» (Кадр из фильма)

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Сергей Бондарчук и Ирина Скобцева
Отелло, не убивший Дездемону

Эта звездная пара блистала на небосклоне советского кинематографа почти 40 лет и оставила на нем ярчайший след. Причем не только творческий. Сегодня, когда так обострились отношения России и Украины, именно судьба этой пары наглядно демонстрирует нам, что в стране, которая называлась СССР, российско-украинские связи были настолько тесно переплетены, что это давало поразительный результат во многих сферах жизни, в том числе и в культурной. В паре, о которой идет речь, один ее представитель был выходцем с Украины – из села Белозёрка ныне Херсонской области (С. Бондарчук), а другой из России – из Тулы (И. Скобцева). Они шли навстречу друг другу весьма замысловатыми путями, пережив череду неудачных семейных союзов, которые, видимо, были посланы им для того, чтобы они набрались нужного опыта и уже в собственном браке не повторили ошибок предыдущих.

Сергей Бондарчук (1920) в первый раз серьезно влюбился в 19-летнем возрасте: это произошло за два года до войны, когда наш герой учился в театральном училище в Ростове-на-Дону. Он полюбил свою ровесницу – дочь прокурора Евгению, которая родила ему сына Алексея. Однако пожениться молодые люди не успели: началась война, и Бондарчук ушел на фронт. В 1946 году он демобилизовался, однако в Ростов-на-Дону не вернулся, а отправился в Москву, где поступил во ВГИК, на курс к Сергею Герасимову и Тамаре Макаровой. Именно там он встретил свою будущую вторую жену – студентку Инну Макарову (1926). Она вспоминает:

«Однажды осенним днем 1945 года в аудитории появился смуглый, черноволосый, похожий на цыгана парень в военной гимнастерке и осторожно, чтобы не мешать, сел на свободный стул. Мы репетировали «Идиота», я играла Настасью Филипповну и была так поглощена процессом, что почти не обратила на новичка внимания – лишь краем глаза зацепила и все. Это был Сергей Бондарчук.

Своим появлением он перебудоражил весь институт. Была в Бондарчуке какая-то магия, которую я поначалу не замечала. Летала по ВГИКу в эйфории. Война закончилась! Вся жизнь впереди! К тому же после того как прочитала однажды на занятиях по актерскому мастерству «сон Пети Ростова», Сергей Аполлинариевич сказал притихшему курсу: «Всему можно научиться, а ЭТО надо иметь». Видимо, Мастер увидел во мне не просто способности.

Почему Сергей именно на меня обратил внимание, сказать не берусь, но это внимание мне льстило. Как же! Бондарчук – объект восхищения всего ВГИКа, старше меня на шесть лет, еще до войны работал в театре, был звездой театрального училища в Ростове-на-Дону, но, оставив и учебу и сцену, ушел на фронт! Обычно, когда мы встречались возле института – репетиции заканчивались только к одиннадцати вечера, Сергей первым делом доставал из кармана черный карандаш и подрисовывал мне брови. Для роли Настасьи Филипповны их выщипали, что Бондарчуку категорически не нравилось. Потом мы садились в трамвай и ехали через пол-Москвы, а выйдя на конечной остановке, еще долго-долго шли пешком – дом, в котором я снимала угол, находился рядом с заводом «Серп и Молот». Добирались до места глубокой ночью. Сергей целовал меня в щеку, смотрел, как скрываюсь за дверью подъезда, – и отправлялся на другой конец города к знакомым, у которых в ту пору жил.

Во время долгих провожаний каждый из нас поведал другому всю свою предшествующую жизнь. Сергей рассказал, что до войны был женат на однокурснице по театральному училищу в Ростове-на-Дону. Жили вместе они недолго, и во время одной из ссор Евгения на глазах мужа порвала свидетельство о браке, объявив, что с этой минуты они оба могут считать себя свободными. О разрыве Бондарчук мне рассказал, а вот о том, что осенью 1945-го Евгения приезжала к нему в Москву, умолчал…»

Бывшая супруга Бондарчука приехала к нему незадолго до того, как он начал ухаживать за Макаровой. Женщина появилась на пороге квартиры приютивших Бондарчука друзей без предупреждения, но с полной сумкой продуктов и несколькими бутылками вина. Она провела с Бондарчуком всего одну ночь, но этого хватило, чтобы гостья… забеременела. И спустя несколько месяцев прислала Бондарчуку телеграмму: «У тебя родился сын». А он уже начал встречаться с Макаровой. Что делать? Не в силах разрешить эту дилемму в одиночку, он показал депешу Инне. А та вдруг заявила: «Надо послать ответную телеграмму с поздравлениями!» «Зачем?» – удивился Бондарчук. И услышал в ответ: «Зачем, зачем… У нее же молоко может пропасть!»

Бондарчук так и сделал, пораженный взрослой рассудительностью своей 20-летней возлюбленной.

Спустя некоторое время их однокурсница Таня Лиознова нашла Инне комнату в своем доме недалеко от Рижского вокзала. И Бондарчук стал приходить туда чуть ли не каждый день, и они часами… часами стояли на лестничной площадке и беседовали. К себе Инна кавалера не пускала – она считала это неприличным! Однако на курсе все прекрасно знали и видели, что Бондарчук от Макаровой ни на шаг не отходит, поэтому под праздник 8 Марта выдали один продуктовый паек на двоих. Все полагали, что они уже живут друг с другом как муж и жена, хотя это было не так.

Сергей тогда жил во дворе дома, где размещалось Госкино, в сторожке, которая не отапливалась. И вот однажды после репетиции поздно вечером они вдвоем пришли туда и, не снимая пальто, сели за стол, вскрыли паек. Потом хозяин жилища уложил гостью на узкую железную кровать, и она сразу провалилась в сон. Спустя какое-то время проснулась и увидела, что ее возлюбленный сидит рядом на стуле и смотрит на нее. Потом тихо говорит: «Подвинься». Когда он улегся рядом, они обнялись и… заснули как два голубка. А близость между ними произошла чуть позже – перед самым отъездом на съемки «Молодой гвардии» в Краснодон. На календаре была весна 1947 года. Вспоминает И. Макарова:

«Мы впервые отправились к Сережиному другу за город с ночевкой. Встретились на площади Маяковского, Бондарчук стоял у метро в белой рубашке, с цветами, которые своровал с какой-то клумбы, – чтобы купить букет, денег не было. Я очень волновалась, словно предчувствовала, чем эта поездка обернется.

Нас, даже не спросив, поселили в одной комнате. После этой ночи мы уже не расставались…»

В фильме своего учителя Сергея Герасимова «Молодая гвардия» (1948) Бондарчук и Макарова сыграли свои первые роли в кино: он – большевика-подпольщика Валько, она – Любку Шевцову. Причем на съемках они поселились в одной хате, хотя официально еще не были расписаны.

Однажды мама настоящей Любы Шевцовой, у которой Макарова брала консультации – Ефросинья Мироновна – попросила познакомить ее с Бондарчуком. Ей хотелось посмотреть на будущего мужа Инны. А когда ее желание исполнилось, вынесла свое резюме: «Не ходи за него. Я эту казачью породу знаю. Черный, неласковый, но от баб все равно отбою не будет. Намучаешься…»

Макарова сильно удивилась этим словам, поскольку знала Бондарчука совсем с иной стороны. Он-то ей казался самым ласковым человеком на свете, поскольку нянчился с ней как с малым ребенком. Поэтому слова Ефросиньи Мироновны она пропустила мимо ушей.

Тем временем Бондарчук в один из вечеров написал письмо матери своей невесты, где писал следующее: «Анна Ивановна! Мне очень хотелось бы увидеть Вас, но сейчас, ввиду многих обстоятельств, это невозможно. Приходится прибегать к письму. При моем неумении писать письма очень трудно выразить на бумаге то, что меня сейчас волнует. Боюсь, что слова окажутся холодными, малоговорящими. При встрече надеюсь восполнить нескладность этого

письма «умной» и пылкой речью. Анна Ивановна, я люблю Вашу дочь, хочу всегда быть с ней, быть ее другом и мужем. Благословите и пожелайте счастья в нашей жизни и работе, трудной, большой и светлой жизни честных тружеников».

Когда Анна Ивановна получила это послание, она вовсе не обрадовалась. И вскоре прислала дочери ответное письмо со словами: «…Ты рискуешь испортить этим преждевременным замужеством свое будущее, свой творческий путь, так хорошо начатый. Бабушка без слез не может о тебе говорить, воспринимает все как несчастье… Ах Инна, Инна, маленькая моя, что-то тебя ждет в жизни. Потом я смирюсь, а сейчас мне так тебя жалко, так ты еще молода…»

Но и этот наказ Макарова оставила без внимания, вся поглощенная своими чувствами к Бондарчуку. И тогда мама решила навестить дочку – она приехала в Краснодон. И что же? Вот как об этом вспоминает И. Макарова:

«И надо же такому случиться, что именно в это утро в местечко, где шли съемки эпизодов с участием Бондарчука, шел грузовичок. А мы не виделись целых два дня! И вот я оставляю маму, с которой едва успела перемолвиться парой слов, на попечение квартирной хозяйки, а сама мчусь к Сереже. Грузовик останавливается у подножия холма, за которым идут съемки. Услышав звук клаксона, Сергей бежит на вершину со своей стороны, я – со своей. Он – небритый, в рваной фуфайке и тяжелых грязных сапогах, я – в светлом платье, с развевающимися по ветру волосами. Бежим, вытянув вперед руки, а встретившись, обнимаемся крепко-крепко и стоим так несколько минут. Ставший свидетелем нашей встречи Герасимов потом, смеясь, скажет: «Неслись друг к другу, как два гуся влюбленных!»…»

Когда вечерами, после тяжелых съемок, влюбленные лежали на кровати, они только и делали, что мечтали о том, как счастливо они заживут, когда вернутся в Москву. Прижимая к себе Инну, Бондарчук шептал ей: «Девочка моя родная, как же я тебя люблю! Ближе, чем ты, у меня никого не было и никогда не будет…»

Однако по возвращении в Москву молодых ждала кочевая жизнь: иногда их пускал к себе домой кто-то из друзей, иногда, проскользнув мимо сторожа, они спали на реквизите во вгиковской мастерской. А потом в течение нескольких месяцев они жили в сторожке, сколоченной из грубых досок, в районе Рижского вокзала. Однако весной 1948 года сторожку снесли, и они опять стали скитаться по чужим углам. Скитались до тех пор, пока не нашли ту самую комнату в полуподвале на Садовой-Триумфальной, где их застал триумф «Молодой гвардии». Первая серия фильма вышла на экраны страны 18 октября, а вторая – 25 октября 1948 года.

Молодые в ту пору жили в крохотной комнатке в коммунальной полуподвальной квартире. Из мебели там были лишь табуретки, столик, кровать и железная печка. Самое ужасное – в этом доме водились крысы, которые сновали по комнатам даже днем. Именно в этом «шалаше» молодых и застал выход на экраны «Молодой гвардии». Тогда же они узнали, что стали лауреатами Сталинской премии. Эти деньги супруги поделили между собой, и Макарова на свою сумму купила в ЦУМе шубу из венгерской цигейки (жуткий дефицит по тем временам).

Бондарчук еще в Краснодоне настаивал на том, чтобы они расписались, но Макарова тянула. Она не понимала, зачем спешить с регистрацией, если все и так про нас все знают. Их педагог, Тамара Федоровна Макарова, еще в Краснодоне прислала им письмо, в котором были такие строки: «Я рада и искренно поздравляю Инну и Сережу с браком – помните, мои дорогие, все постепенно проходит – но дружба на творческой основе остается навсегда! Вы достойны друг друга. И берегите свои отношения – это очень нужно, чтобы жить долго вместе».

Был у Макаровой и второй аргумент против похода в ЗАГС – отсутствие паспорта. Его ей заменяло временное удостоверение, с которым еще в 1943-м она поехала поступать во ВГИК. Бумажный листок совсем истрепался на сгибах, и Бондарчук его постоянно «чинил», подклеивал. Чтобы получить паспорт, нужна была прописка, а для нее, в свою очередь, требовалось

постоянное жилье – такового же у молодых не предвиделось, и они жили на съемных квартирах.

ВГИК они окончили в том же 1948 году и попали в труппу Театра-студии киноактера, где им дали по небольшой ставке. Но это было спасением, потому что в конце сороковых по всей стране снималось пять-шесть фильмов в год. Все деньги из бюджета страны шли на восстановление разрушенного войной хозяйства, а отсутствие советских фильмов на экранах страны заменяло трофейное кино – зарубежные картины.

Вспоминает И. Макарова: «Как-то направляюсь после очередной репетиции домой, а вахтер Театра-студии киноактера рапортует вслед:

– Тут ваш мальчик был, Бондарчук его забрал.

– Какой мальчик?

– Маленький.

Открываю дверь комнаты, а на тахте сидят Сережа и мальчуган двух лет. Оказалось, приехавшая из Ростова-на-Дону Женя оставила сына на вахте театра и куда-то исчезла. Алеша, который оказался очень похож на отца, мне понравился – смышленый и не плаксивый. Сразу пошел на руки и принялся с любопытством разглядывать. Я умыла малыша, накормила и уложила спать. Алешка прожил у нас несколько дней, и вдруг поздно вечером в комнату вваливается большая делегация во главе с Женей. Выглянувшая из-за ее спины активистка грозно рычит:

– Кто отец?! Где он?! А эта девчонка, – суровая тетка тычет в меня пальцем, – что здесь делает?!

– Вы что? – раздается чье-то предостерегающее шипение. – Это же Инна Макарова!

– Да? Ну ладно, пусть остается.

Через минуту выяснилось, что Евгения написала в разные инстанции жалобы: дескать, Бондарчук не желает знать родного сына, не платит денег на его содержание.

Я возмутилась:

– Что за глупости?! Сергей никогда не отказывался от Алеши, и если бы Евгения хоть раз обратилась за помощью, она бы ее получила. Может, кто-то объяснит, в чем состоит проблема?

– В том, что нужно подписать документы.

Сергей поставил подпись там, где показала «общественница», Женя забрала сына и уехала…»

В 49-м аварийный дом, в котором жили Бондарчук и Макарова, расселили, и молодым наконец досталось отдельное жилье – однокомнатная квартира на четвертом этаже в доме на Песчаной улице рядом с Всехсвятской церковью, неподалеку от метро «Сокол». Бондарчук находился тогда на съемках в Киеве в фильме «Тарас Шевченко», так Макарова специально поехала туда, чтобы лично показать ему ключ от собственной квартиры. Радость молодых была такой огромной, что, возможно, на этой почве Макарова забеременела. По ее словам:

«О беременности я сообщила Сереже в очередном письме и получила в ответ четыре листа сплошных восторгов. В конце стояло молящее: «Приезжай!!!» Но мне теперь было не до поездов и самолетов – в первую очередь следовало думать о будущем ребенке. Сам Сережа за девять месяцев смог прилететь всего раз, под новый, 1950 год. Буквально на пару дней – продолжавшиеся съемки «Тараса Шевченко» требовали его постоянного присутствия на площадке. Последний эпизод был снят в конце апреля, за две недели до срока, который мне как дату родов определила акушерка. И Бондарчук тут же примчался в Москву. Девятого мая втроем: я, Сережа и прилетевшая из Новосибирска помогать мне ухаживать за малышом мама – отпраздновали пятилетие Победы, а утром следующего дня у меня начались схватки. Позвонили в «неотложку», однако по вызову приехала не обычная карета «скорой помощи», а автомобиль из «Кремлевки» – я и не знала, что как лауреат Сталинской премии прикреплена к этой больнице. Пока врачи поднимались в квартиру, Сергей обряжал меня

в свое старое пальто – согласно народной примете, живот отправляющейся в роддом женщины никто из посторонних видеть не должен. Похожую на Колобка фигуру этот наряд, безусловно, скрыл, но выглядела я уморительно!

Сергей поехал со мной и таким тревожно-жалостливым взглядом провожал из приемного отделения в предродовое, что я чуть не расплакалась. Только меня уложили в палате на кровать, как все тело пронзила ужасная боль. Я заорала так, что у самой уши заложило. Чуть отпустило, слышу, в приемном – кутерьма. Кто-то дергает дверь и отчаянно басит, а женский голос протестует на высокой ноте: «Папаша, вам же сказали: туда нельзя! Немедленно прекратите рваться!»

Батюшки, да это же Сережкин бас! Что он там вытворяет? Через пару минут – очередной приступ дикой боли. Я опять в крик. И снова, будто эхо, грохот двери и голос мужа… Когда через несколько дней меня и Наташу будут выписывать из роддома, я спрошу приехавшего встречать нас новоиспеченного отца:

– Ты чего в родовую-то рвался? Неужели думал, что сможешь чем-то помочь?

Сергей смущенно отведет глаза:

– Да нет, конечно… Просто мне нужен был карандаш, чтоб номер телефона записать, а в приемном его не оказалось.

Будто это было только вчера, перед глазами встает картина: Бондарчук очень бережно, словно древнюю китайскую вазу, берет на руки кулек с крошечной дочкой и с выражением крайнего умиления на лице поднимает кружевной уголок…

Вскоре после появления Наташи на свет (10 мая 1950 года) мы с Бондарчуком стали наконец законными мужем и женой. Дочке был месяц-полтора, когда Сергея вызвали на съемки фильма «Кавалер Золотой Звезды». Не успел он добраться до места – станицы Зеленчукская, что в Карачаево-Черкесии, – тут же прислал письмо с требованием, чтобы я немедленно приехала. Ответ «Сережа, как я могу? Как брошу ребенка?» его не устроил: «Приезжай с дочкой!» Легкое дело – отправиться с грудным ребенком в киноэкспедицию в горы! Но Сережа настаивал, и мама, наняв для Наташи кормилицу-армянку, меня отпустила. Я пробыла в Карачаево-Черкесии несколько дней. Муж носился со мной как с писаной торбой: перезнакомил со всей съемочной группой, а представляя режиссеру Райзману: «Это моя жена!» – чуть не задохнулся от гордости. Когда же Юлий, пожимая мне руку, сказал: «Вы такая беленькая, тоненькая – будто не из этой жизни…», Сергей за комплимент готов был, кажется, его расцеловать.

Сережа действительно по мне соскучился. А на вторую причину срочного вызова намекнул снимавшийся вместе с Бондарчуком Ваня Переверзев: дескать, ты даже не представляешь, как его, бедного, тут осаждают – со всех сторон атаки идут. Я и сама слышала летевшие вслед шепотки теток-актрис: «Бывает, поженятся, ребенка родят – и тут же разойдутся…» И до атак, и до пересудов мне не было никакого дела – я Сереже бесконечно верила…»

Между тем, когда бывшая возлюбленная Бондарчука узнала, что отец ее ребенка наконец женился (после того как они получили отдельное жилье), она предприняла все возможное, чтобы вернуть его. К тому времени Бондарчук был уже весьма известным человеком (единственный из советских киноактеров, удостоенный звания народного артиста СССР в 32 (!) года после фильма «Тарас Шевченко»!), и женщина не собиралась так просто отпускать его от себя. Она подала на Бондарчука в суд, пытаясь доказать, что он не имел права жениться на другой женщине, поскольку до этого несколько лет жил с ней, и она от этой связи имеет несовершеннолетнего сына. Так как за спиной бывшей возлюбленной стоял папа-прокурор, суд вынес решение в ее пользу – брак Бондарчука с Макаровой был аннулирован. (Им потом пришлось трижды ездить в Ростов-на-Дону, чтобы уломать хитрую дамочку отозвать свое заявление из суда. Уговорили-таки, видимо, дав ей отступных.)

В первой половине 50-х карьера супругов в кино начала развиваться более активно. Правда, в этом деле первенство было за Бондарчуком. Если Макарова записала на свой счет всего три фильма («Сельский врач», 1951 – Баранова; «Возвращение Василия Бортникова», 1954 – Фроська Блинова; «Дело Румянцева», 1956 – Нонна Снегирева), то Бондарчук – восемь («Кавалер Золотой Звезды», 1951 – Сергей Тутаринов; «Тарас Шевченко», 1952, главная роль – Тарас Григорьевич Шевченко; «Адмирал Ушаков», 1953 – Тихон Прокофьев; «Корабли штурмуют бастионы», 1953 – Тихон Прокофьев; «Об этом забывать нельзя», 1955, главная роль – писатель Александр Гармаш; «Неоконченная повесть», 1955, главный конструктор Юрий Ершов; «Отелло», 1955, главная роль – Отелло; «Попрыгунья», 1956, главная роль – Осип Степаныч Дымов).

Из-за своей занятости на съемках Бондарчук иногда отсутствовал дома месяцами. Макарова тоже без дела не сидела – играла в театре, а также разъезжала по стране с концертами. Естественно, прочности семье такие длительные расставания не прибавляли. Что касается дочери, то ее воспитанием занималась в основном мама Макаровой.

В 1955 году Бондарчук снимался в фильме «Отелло» Сергея Юткевича. Натурные съемки проходили в Крыму, где у Бондарчука возник роман с 27-летней дебютанткой – красавицей Ириной Скобцевой (1927), которая играла роль Дездемоны. Ирония судьбы: в фильме Бондарчук в образе Отелло «задушил» свою любовницу Скобцеву-Дездемону, а в реальной жизни они проживут бок о бок почти 40 лет. Одним словом, это была судьбоносная встреча.

До того как стать актрисой, Скобцева училась в МГУ и считалась там одной из первых красавиц. Именно в университете она познакомилась с Алексеем Аджубеем (тем самым, который станет затем зятем Н. Хрущева) и стала его гражданской женой. В 1952 году молодые вместе подались в Школу-студию МХАТ, но во время учебы у них что-то не заладилось, и они расстались. Аджубей из студии ушел, а Скобцева осталась (она училась на одном курсе с И. Квашой, Г. Волчек и Л. Броневым). Когда в 1954 году Юткевич задумал снимать «Отелло», один из его ассистентов обнаружил в студии Скобцеву и пригласил ее на эпизодическую роль Бьянки. Однако режиссер утвердил ее на роль Дездемоны. Далее послушаем рассказ самой Ирины Скобцевой:

«С Сергеем Федоровичем Бондарчуком мы познакомились при обстоятельствах весьма романтических. Однажды я отдыхала в Доме творчества художников. И там очень известный тогда художник Ефанов, многократный лауреат Сталинских премий, сначала долго убеждал меня, что я похожа на главную героиню «Дамы с собачкой», а потом написал мой портрет. Я в то время окончила МГУ как искусствовед и училась уже в Школе-студии МХАТ. Вскоре у Ефанова состоялась выставка в Академии художеств, где он выставил и мой портрет. Ну, а в один прекрасный день пригласил туда и меня. Как сейчас помню: я вошла в зал, а перед моим портретом стоит… Сергей Бондарчук! Потом мы еще несколько раз встречались на Киностудии имени Горького, прежде чем совместная работа свела нас в «Отелло»…»

Пока муж снимался в Крыму, Макарова уехала на съемки в Болгарию, где снималась в фильме Дучо Мундрова и Николы Корабова «Димитровградцы» (фильм рассказывал о строителях Димитровграда – нового промышленного центра НРБ). Ни о чем плохом она не думала, да и не могла думать – супруг буквально заваливал ее любовными посланиями из Крыма. По утрам кто-то из членов съемочной группы обязательно появлялся на площадке с конвертом и словами: «Макарова, опять твой Бондарчук пишет!» Дескать, сколько ж можно?! Она же отвечала: «Никто же не думал, что съемки так затянутся! Когда вы домой меня отпустите?»

Наконец ее отпустили. Только она приехала в Москву – звонок в дверь. На пороге актер Андрей Попов, с которым она лично не была знакома, но знала, что он снимается с ее мужем в «Отелло». Гость без предисловий начал уговаривать ее немедленно отправиться в Ялту: «Инна, Сергей тебя очень ждет! Прошу – бери билет и езжай!» Однако никуда Макарова не поехала, потому что очень соскучилась по маме и дочке.

Съемки «Отелло» в Крыму продолжались еще пару недель, после чего в Москву вернулся Бондарчук. В первый же вечер супруги отправились пешком на дачу, где заночевали во времянке. Ни о какой Скобцевой речи тогда не заходило, как будто ее и не было. Но она существовала, и тайный роман с ней у Бондарчука продолжался. И чтобы быть с ней рядом, Бондарчук специально уговорил режиссера Тимофея Левчука с Киевской киностудии взять ее на роль Людовики Шанкевич в фильм «Иван Франко», где он сам играл главную роль. Съемки проходили в Киеве летом 1956 года. В тот самый момент Макарова снималась в той же Украине, но в Днепродзержинске, в фильме «Высота».

Супруги снова писали друг другу письма, а потом Бондарчук приехал к жене на несколько дней. Съемочная группа жила в рабочем общежитии, где у Макаровой была отдельная комната. Бондарчук сдвинул две железные кровати, и невозможно жесткие металлические «ребра» оказались как раз посередине супружеского ложа. Но им такие неудобства казались полной ерундой. Далее послушаем рассказ самой И. Макаровой:

«Вскоре после того как я проводила Сергея в Киев, мой партнер по «Высоте» Коля Рыбников поехал на съемки картины «Рядом с нами». Вернувшись, доложил: «Все почему-то спрашивают о тебе и Сергее. Одна актриса, когда узнала, что Бондарчук только что уехал, спросила: «А зачем он приезжал?» Я удивился: «Как зачем? К жене!» Она в ответ как-то странно хмыкнула…»

Еще через день я встретилась с актрисой МХАТа Татьяной Ленниковой (театр был в Днепродзержинске на гастролях) и услышала те же вопросы:

– Как настроение? Где Сергей?

– Был несколько дней со мной, потом уехал на съемки.

– Да? А говорят, он женится…

– На ком же, интересно?

– На Скобцевой.

Очень трудно было не обращать внимания на подобные «откровения», но я говорила себе: «Этого не может быть! Сергею дорога семья, он обожает дочку!» Наташа и впрямь была для него как свет в окошке. По вечерам Сергей ложился на тахту, сажал дочку себе на живот и читал вслух сказки. А та, как завороженная, слушала. А спектакль «Муха-Цокотуха», который Сережа поставил для Наташи, задействовав всех, даже мою маму?! Нет, убеждала я себя, у нас все хорошо, все по-прежнему – просто завистливые люди хотят вбить между нами клин.

В свой день рождения, 28 июля, как у нас было принято, я прилетела к мужу в Киев. У стойки портье случилась заминка: «Сейчас мы позвоним Сергею Федоровичу на студию, подождите, пожалуйста». Наконец дают ключ от его номера. Вхожу и вижу на столе остатки пиршества. «Странно, – думаю, – прежде Сергей в своем номере никогда междусобойчиков не устраивал и к моему приезду неизменно наводил порядок». Прохожу в спальню, ложусь на кровать и проваливаюсь в дрему. Вдруг слышу встревоженный голос Сережи: «Ты где?! Ты где?!» Он вбегает в спальню, хватает меня на руки, прижимает к себе. Я упираюсь ему ладонями в грудь и, отстранившись, смотрю в глаза:

– Сереж, мне сказали, что ты женишься. Это правда?

В ответ Сергей хохочет и еще крепче прижимает меня к себе.

– А это что? – спрашиваю, показывая глазами на заставленный тарелками стол.

– Да тут вчера опять сабантуй был! – отвечает Сергей и, по-прежнему держа меня на руках, быстрыми широкими шагами меряет номер. И в интонациях его голоса, и в смехе мне слышится что-то натужное, неестественное.

О том, что в киевских съемках принимает участие его партнерша по «Отелло», сам Бондарчук так и не сказал – меня просветили коллеги…

В Москву мы с Сергеем, который перед отъездом в аэропорт купил мне в подарок золотое кольцо, возвращались вместе. Самолет попал в сильнейшую грозу – железную махину мотало

и кидало из стороны в сторону. Сверкали молнии. Сергей всегда очень боялся грозы, а потому сидел, вжавшись в кресло. Потом вдруг расправил плечи и, положив свою ладонь на мою руку, сказал: «Ну вот, хоть умрем вместе». А я вдруг подумала о том, что вряд ли имею право винить мужа за связь на стороне. Молодому здоровому мужчине очень трудно по нескольку месяцев обходиться без женщины. А женщины в послевоенные годы, когда мужчин не хватало, шли на все, чтобы устроить свою личную жизнь…»

С этого момента в их дом стали регулярно приходить анонимки, где сообщалось, что Бондарчук изменяет своей жене. Об этих письмах Макарова ничего не говорила мужу, но затем точно такая же анонимка пришла на имя Бондарчука – в ней сообщалось, что у Макаровой был роман с одним из актеров на фильме «Высота». Муж потребовал объяснений. Макарова объяснила: в нашей группе не было актера с такой фамилией. Бондарчук позвонил на киностудию, и там подтвердили слова Макаровой. Впрочем, роли это уже не играло – семья трещала по швам.

Все разрешилось поздней весной 1957 года, когда Макарова собиралась в Ленинград на съемки фильма «Дорогой мой человек». Супруги были дома, сидели рядом на тахте, когда Инна произнесла: «Сережа, мы должны расстаться…» После чего… потеряла сознание. А когда она очнулась, то увидела, что муж стоит к ней спиной, опершись руками о стол, а его плечи ходят ходуном. Бондарчук рыдал. В день ее отъезда он сам отдал ей ключи от квартиры. И уехал жить не к Скобцевой, а к своим друзьям – супругам Анатолию Чемодурову и Кларе Румяновой. Там он пробыл несколько недель.

Летом того же года Макарова должна была отправиться на кинофестиваль в Карловых Варах с фильмом «Высота» (там он получит главный приз «Хрустальный глобус»). Перед отъездом актрису вызвали в ЦК КПСС на Старую площадь, где попросили… принять обратно Бондарчука. Макарова в ответ… заплакала. Но разговор тот так и закончился ничем – все осталось, как и прежде.

1 сентября Бондарчук повел свою дочь в первый класс один – Макарова была на съемках «Дорогого моего человека» в Ленинграде. Причем выглядела она блестяще – веселилась, дурачилась. По ее же словам: «Без Бондарчука было легче. Я могла спокойно работать, не задаваясь бесконечно вопросами: где сейчас Сергей?..

Мы разошлись без скандалов, криков и неприязни друг к другу. На разводе в суде меня спросили: «Почему вы так легко расстаетесь с мужем, ведь у вас ребенок?» Я ответила: «Это совсем не легко». Сказала вслух, при Сергее. Видимо, мое признание его покоробило. Словом, его инициативой была наша женитьба, а моей – наш развод. Сказки о брошенной и несчастной жене – это не мой случай. Я воспитала дочь, вторично вышла замуж (за известного нейрохирурга Михаила Перельмана. – *Ф. Р.*), и карьера актерская у меня, думаю, тоже удалась».

От Макаровой Бондарчук ушел с одним чемоданчиком в руках. Он пришел к родителям Скобцевой и попросил пустить его жить. Те разрешили, хотя их дочь с Бондарчуком в браке тогда еще не состояла. Из дома родителей Ирины Бондарчук отправился на съемки фильма «Поединок», где Скобцева играла главную роль – Шурочку. Приехал без предупреждения и, явившись на съемочную площадку, попал аккурат на съемки эпизода, где героиня Скобцевой целуется с главным героем, Романом (его роль играл актер Юрий Пузырев). Что было дальше, рассказывает Ирина Скобцева:

«Как мне потом досталось от Сережи! Он посчитал, что мы с Пузыревым были слишком «натуральны». Тогда я и поняла, что он очень ревнивый…»

Какое-то время Бондарчук и Скобцева жили гражданским браком, хотя Бондарчук уже был разведен с Макаровой. Но когда однажды их отказались выпустить вместе в Англию, поскольку они не расписаны (с фильмом «Отелло», который был удостоен призов в Каннах и Дамаске, причем в Каннах Скобцева получила приз за красоту, выиграв конкурс шарма у аме-

риканской звезды Ким Новак), и Бондарчуку пришлось улететь одному, его терпение лопнуло. По возвращении, прямо с аэродрома, Бондарчук приехал к Скобцевой и повез ее в ЗАГС. Правда, перед регистрацией он поставил ей два условия: никогда не расставаться и дать ему возможность… помолчать хотя бы дня три.

Между тем после триумфа «Судьбы человека» (1959) на Бондарчука обрушился очередной всплеск славы. Апогеем стало присуждение ему в 60-м Ленинской премии, после чего наладилась и бытовая жизнь награжденного. Если до этого ему с женой, ее родителями и бабушкой приходилось ютиться в двухкомнатной квартирке, то теперь они все вместе переехали в роскошную квартиру на улице Горького. Прежнее жилье они сдали государству, а взнос за кооператив, который им так и не построили, Бондарчук передал одному из детских садов.

В 1959 году Бондарчук и Скобцева вновь снялись вместе – в фильме режиссеров-дебютантов с «Мосфильма» Георгия Данелии и Игоря Таланкина «Сережа». Бондарчук сыграл роль Дмитрия Корнеевича Коростелёва, отчима мальчика Серёжи, а Скобцевой досталась роль Марьяны, матери Сережи. Фильм стал классикой советского кино.

Но Скобцева снималась и без своего мужа – в фильмах: «Суд сумасшедших» (1962; главная роль – Сузи Хаггер), «Сотрудник ЧК» (1964; агент белых Тверская), «Я шагаю по Москве» (1964; дама с зонтиком), «Тридцать три» (1966; врач-психиатр Вера Федоровна).

В 1962 году Бондарчук приступил к экранизации «Войны и мира». На роль Элен Курагиной он утвердил свою жену Ирину Скобцеву, а на роль Наташи Ростовой взял не профессиональную актрису, а 20-летнюю балерину из Ленинграда Людмилу Савельеву. Завистники мгновенно распустили слухи, что это неспроста: мол, у режиссера с дебютанткой роман. Ирина Скобцева эти сплетни категорически отвергает. По ее словам:

«У нас с Сергеем был настолько крепкий союз, что подобные слухи не способны ничего разрушить. Более того, я, как могла, старалась помочь Люсе Савельевой – и опытом своим, и словом, и делом… Про нашу семью вообще ходило очень мало слухов, потому и этот очень быстро угас. Мы не давали поводов для сплетен…»

В разгар работы над «Войной и миром», осенью 62-го, Бондарчук повидался со своим первым сыном, Алексеем. Это была их первая встреча за долгие годы, причем произошла она при обстоятельствах весьма драматических. Когда Алексей приехал в Москву, Бондарчук находился на съемках Бородинского сражения под Дорогобушем Смоленской области. Жена режиссера, узнав, кто к ним заявился, отказалась пустить парня в дом. Тогда Алексей отправился к Инне Макаровой. Та вспоминает:

«Открываю – Алеша. Начал что-то путано объяснять: мол, приехал познакомиться с отцом (они ведь виделись, только когда сын был совсем крохой), но его даже на порог не пустили. Я сказала, что он может жить у нас сколько захочет. И тут вдруг звонит Сергей. Полгода, наверное, не звонил, а тут будто почувствовал… Я сказала, что его сын у меня и они с Наташкой очень хотят увидеться с отцом. Сергей пообещал приехать. Но на следующий день планы вдруг изменились: «Приехать не могу. Встретимся на нейтральной территории, в Нескучном саду». А я слышу, как женский голос ему суфлирует. Спросила: «Сергей, это чья там режиссура?» Он смутился, начал оправдываться. В конце концов приехал. Взволнованный, растерянный, мечется по комнате: «Наташа, Наташа, была бы ты постарше, я бы тебя на Наташу Ростову попробовал!» Потом – ко мне: «Инна, что мне делать? Она внизу сидит. Что мне делать – бросить их?» А у них со Скобцевой только-только Аленка родилась. Я отшатнулась: «Что ты? Бог с тобой!» Он снова по комнате заметался, бормочет что-то, чуть не плачет. А на меня вдруг нервный смех напал. Сергей растерялся от такой реакции, а потом говорит: «Хорошо тебе, Наташа. У тебя мама веселая!»

В период работы над четырьмя сериями «Войны и мира» в семействе Бондарчука и Скобцевой случилось целых два прибавления: сначала родилась дочь Алена (31 июля 1962 года), затем – сын Федор (9 мая 1965 года). Вот что вспоминает по этому поводу Ирина Скобцева:

«Обстоятельства складывались так, что дети наши рождались в отсутствие отца. Когда родилась Аленка, Сергей Федорович находился на молодежном фестивале в Хельсинки, куда был приглашен почетным гостем. Когда девочка-секретарь принесла ему телеграмму с сообщением о рождении дочери, он спросил: «Как тебя зовут?» – «Аленушка». – «Вот и моя будет Аленушкой». А в палате, где я лежала, было еще двенадцать женщин, и, по-моему, человек семь из них, родивших девчонок, решили назвать дочерей Аленушками. Я тогда еще подумала: «Уж я-то свою ни за что так не назову». А потом приезжает Сергей Федорович и передает мне в палату маленькую открытку: аист держит в клюве перевязанный бантом конверт с надписью «Made in USSR. Аленушка».

Федя тоже родился, когда Сергей был вдали от дома… Сын был у нас и Тарасиком, и князем Андреем: няньки, когда его приносили, говорили: «Вот князь Андрей». Но буквально через три месяца после его рождения мы с Сергеем потеряли его отца, Федора Петровича, и тогда сына назвали в честь деда…

Дети родились у меня поздно (первенец – в 35 лет. – *Ф. Р.*). Я только сейчас понимаю, что многим тогда пожертвовала. Начало ведь у меня действительно было блестящим – заметные роли в фильмах «Иван Франко», «Отелло», «Неповторимая весна», «Поединок»… Но по-другому поступить не могла, да и не хотела. Перед съемками «Войны и мира», помню, Сергей сказал мне: «Я буду снимать картину, а все остальное – твоя забота…»

Между тем во время съемок «Войны и мира» Бондарчук едва не скончался. Об этом рассказывает Ирина Скобцева:

«Внезапно съемки приостановили и велели подготовить первую серию для Московского фестиваля 65-го года. Нужно было все срочно перезаписать, озвучить, написать музыку. Работали по 14 часов. Однажды Сергей вышел из просмотрового зала с чашкой чаю и вдруг… упал. К счастью, быстро подъехали две «неотложки», и врачи вывели его из состояния клинической смерти – несколько минут сердце не билось… Только на следующий день меня пустили к нему – у него были такие опрокинутые внутрь глаза!..»

Почти то же самое едва не повторилось спустя три года, но теперь уже в Италии, на съемках фильма «Ватерлоо». Эту картину Бондарчука специально пригласили снимать после грандиозного успеха «Войны и мира». Когда они с женой прибыли в Рим, их встретили по высшему разряду – выделили роскошные апартаменты со служанкой и прочими удобствами. Однако в самый разгар съемок Бондарчуку стало плохо, и он вновь угодил в больницу. Жена, помня его клиническую смерть три года назад, чрезвычайно обеспокоенная этим, потребовала, чтобы он прекратил съемки. Однако Бондарчук поступил по-своему. Фильм доснял, и в 1970 году он вышел на мировые экраны. Успех имел меньший, чем «Война и мир», однако все равно впечатлял.

А теперь послушаем воспоминания бывшей супруги Бондарчука Инны Макаровой:

«В 1971 году я снималась в фильме Николая Москаленко «Русское поле». На съемки я выехала, едва успев восстановиться после болезни (у актрисы были проблемы с почками. – *Ф. Р.*). И ни разу об этом не пожалела. Москаленко собрал на площадке профессионалов, с которыми было легко и интересно работать. Особую радость мне доставила встреча с Нонной Мордюковой – бывшей партнершей по «Молодой гвардии» и коллегой по Театру-студии киноактера. Нонна рассказала о своем недавнем визите в дом Бондарчука. Они случайно встретились на улице, Сергей очень обрадовался, стал настойчиво звать в гости. Дверь открыла горничная в кокетливой наколке и фартучке. Нонне показалось, что в этой шикарной квартире Сергей был словно сам у себя в гостях. Нечто подобное я услышала и от Герасимова после того, как они с Тамарой Федоровной побывали у Бондарчука и Скобцевой. «Как же он там неуместен! – сказал, сокрушенно качая головой, Сергей Аполлинариевич и повторил: – Как неуместен…»

Мы с Сергеем постоянно сталкивались на приемах, фестивалях, банкетах, премьерах. Там я не раз слышала от коллег: «Так не смотрят на бывшую жену!» Я и вправду от взглядов Сергея чувствовала себя неловко. А его обыкновение прикасаться при встрече к моей руке или к цветку на лацкане моего пиджака! Помню, однажды на какой-то важный прием в Кремле надела новую брошь. Так Сергей несколько раз до нее дотронулся – якобы хотел получше рассмотреть.

Вдруг вспомнился еще один банкет, где мы встретились. Бондарчук подошел к накрытому для фуршета столу и начал растерянно его обозревать, решая, что положить в тарелку. Я вызвалась ему помочь: «Сереж, возьми вот это, очень вкусно, и вот это обязательно попробуй!» Сосед по столу директор «Мосфильма» Николай Сизов вдруг перебил меня вопросом: «Инн, что это тебя мало видно?» – «Как это мало?! – негодующе воскликнул Бондарчук и уже с гордостью добавил: – Она везде, везде!» Перекусить бедному Сереже в тот раз так и не удалось. Проходивший мимо режиссер Игорь Таланкин шутливо заметил: «Что же это такое, он с девушками разговаривает, а там жена его ищет!» Бондарчук поспешно поставил на стол тарелку и отправился в другой конец зала. Себе он не принадлежал. Иногда, правда, Сергей бунтовал. Один такой случай произошел в присутствии Наташи. Бондарчук пригласил дочь в гости, чтобы познакомить ее с Аленой и Федей. Провел в свой кабинет, поставил новую пластинку из своей коллекции. Только прозвучали первые аккорды, как в дверях выросла Ирина Константиновна: «Сделай потише! Дети спят». Сергей, метнув на жену взгляд-молнию, прибавил звук. Скобцева молча закрыла за собой дверь…..».

Что бы ни говорили о браке Бондарчука и Скобцевой, однако, если с Макаровой он прожил 10 лет, то с ней был до самой смерти – 37 лет. Это говорит само за себя. При этом супругов связывали не только домашние дела, но и творческие. Так, Бондарчук за эти годы снял 6 фильмов, и во всех снималась его супруга: «Ватерлоо» (1970; Мария), «Они сражались за Родину» (1975; полковой врач), «Степь» (1978; графиня Драницкая), «Красные колокола» (1982; графиня Панина), «Борис Годунов» (1986; хозяйка корчмы), «Тихий Дон» (1992; Василиса Ильинична).

Еще в нескольких фильмах других режиссеров супруги снялись вместе: «Молчание доктора Ивенса» (1974; у него главная роль – доктор Мартен Ивенс, у нее тоже главная роль – миссис Эвелин Ивенс), «Выбор цели» (1975; у него главная роль – Игорь Васильевич Курчатов, у нее – роль Марины Дмитриевны Курчатовой), «Такие высокие горы» (1975; у него главная роль – школьный учитель Иван Николаевич Степанов, у нее – роль Лизы Пименовой), «Они сражались за Родину» (1975; главная роль – Иван Звягинцев), «Степь» (1978; роль Емельяна), «Отец Сергий» (1979; у него главная роль – отец Сергий, у нее – роль баронессы), «Бархатный сезон» (1979; у него роль Ричарда Бредвери, у нее – миссис Бредвери), т/ф «Овод» (1981; у него роль кардинала Монтанелли, у нее – роль миссис Бертон, матери Артура), «Борис Годунов» (1986; у него главная роль – Борис Годунов, у нее – роль хозяйки корчмы).

В последнем фильме дебютировал и сын героев нашего рассказа Федор Бондарчук (он тогда учился во ВГИКе, на курсе И. Таланкина) – он исполнил роль царевича Федора Годунова. Правда, критика встретила этот тандем в штыки. Дело в том, что к тому времени в Союзе кинематографистов поменялась власть (в мае 1986 года начальниками стали либерал-перестройщики), которые спустили всех собак на корифеев кинематографа: С. Бондарчука, С. Ростоцкого, Л. Кулиджанова и др. Как вспоминает И. Скобцева:

«Многие из детей кинематографистов снимаются в кино, но к нашим детям было такое отношение, что их работу в кино не воспринимали и осуждали. Это очень проявилось на фильме «Борис Годунов», где снялись оба – и Сергей, и Федя. Федя ведь замечательно играет, но критики набросились на Бондарчука за то, что он, дескать, тащит в кино своих детей. Вместо радости мы получали одни огорчения…»

А вот их дочь, Алена Бондарчук, тоже снявшаяся в этой ленте (роль царевны Ксении), дебютировала в кино еще в 1979 году опять же в одном фильме с родителями, где играла их дочь («Бархатный сезон», Бэтти Бредвери). В том году Алена закончила школу и поступила в Школу-студию МХАТ. Снялась в фильмах: «Живая радуга» (1983; Маша), «Парижская драма» (1984; главная роль – Алекс), «Время и семья Конвей» (1985; главная роль – Мейдж в молодости), «Похищение» (1985; мама), «Приходи свободным» (1985; главная роль – Елена), т/ф «Жизнь и бессмертие Сергея Лазо» (1985; Тосико).

Однако если с дочерью у Бондарчука-старшего отношения всегда были ровными, то вот с сыном одно время был конфликт, который разразился как раз сразу после съемок «Бориса Годунова». А поводом к нему послужила ранняя женитьба сына. Федор как-то угодил в больницу, где его навещали друзья. Однажды туда пришел его приятель со своей девушкой и ее одноклассницей Светланой Рудской. Последняя произвела на больного такое впечатление, что он быстро поправился и стал с ней встречаться. И очень скоро сделал ей предложение руки и сердца. Однако родители Федора встретили это известие без должного восторга, поскольку считали, что их сыну сначала надо окончить ВГИК, а уже потом связывать себя узами брака. Тем более собственного жилья у молодых еще не было. В итоге у Федора с родителями произошел серьезный конфликт, после которого он ушел из дома. Вопреки родительскому мнению он все-таки женился на Светлане, чего его отец, Сергей Федорович, простить сыну долго не мог. И в течение восьми (!) лет со своим отпрыском не общался (те жили в доме у Тиграна Кеосаяна). Их примирение произошло только в 1993 году, за год до смерти Бондарчука-старшего. Случилось это на церемонии вручения премии «Овация». Сергея Федоровича попросили вручить награды лучшему клипмейкеру, и им стал его сын Федор (судя по всему, это была задумка организаторов премии – таким образом помирить отца и сына). В тот вечер они снова стали близкими людьми.

Между тем дедушкой Бондарчука-старшего сделала его старшая дочь Наталья (от брака с Инной Макаровой). Она окончила ВГИК (1971) и снялась во многих блокбастерах: «Солярис» (1972), «Звезда пленительного счастья» (1975), т/ф «Красное и черное» (1976) и др.

В 1972 году Наталья вышла замуж за актера Николая Бурляева, и в этом браке 13 сентября 1976 года родился сын Иван Бурляев (он станет композитором). Спустя восемь лет – 27 августа 1987 года – у этой четы родится еще один ребенок – дочка Мария. Правда, вскоре после этого Бондарчук и Бурляев расстанутся.

В браке с Ириной Скобцевой Бондарчук при жизни станет дедушкой тоже дважды. Первой их осчастливит дочь Алена. Будучи замужем за ученым-геммологом Виталием Крюковым, она 7 февраля 1985 года родит на свет сына – Константина Крюкова (ныне известного актера). А потом к этому делу подключится и сын Федор – в 1991 году у них со Светланой родится сын Сергей, названный так в честь деда. И получился полный тезка – Сергей Федорович Бондарчук-младший (он тоже станет актером).

О том, каким был Бондарчук-старший в те моменты, когда в его творчестве вдруг наступал перерыв, рассказывает его супруга Ирина Скобцева:

«Сергей Федорович не занимался никакими домашними делами, но ни минуты не сидел праздно: рисовал, лепил, резал по дереву… Вне съемок он любил работать под музыку – при нем всегда был маленький приемник.

По натуре Сережа был очень страстным человеком во всем. Скажем, увлекся работой, а у меня день рождения послезавтра. Хватился – подарка нет. Так он за пару дней из куска полена вырезал бюст Толстого. Или вдруг захотел какую-нибудь трубку вырезать из дерева, так ведь не успокаивался, пока не сделает».

В свое время отец Бондарчука скончался в 70-летнем возрасте. Режиссер тоже считал, что судьба отмерит ему этот же срок. Но ошибся: он пережил отца на четыре года. Мог бы прожить и дольше, если бы не трагическая история с его последним фильмом – экранизацией

шолоховского «Тихого Дона», когда его попросту обманули итальянские партнеры, спрятав от него фильм и не дав выпустить его на экран. От этих переживаний Бондарчук слег. По словам И. Скобцевой:

«Сергей Федорович каждое утро просыпался с тяжелым вздохом: «Ну что же мне делать с этими бандитами?» Видя удрученное состояние Сережи и понимая, что надо его как-то из него вытаскивать, я уговорила его съездить в Сочи на «Кинотавр», а еще (чуть раньше) в Югославию. И хотя поездка эта была не из легких: и дорога на перекладных, и блокада Белграда, и долгое ожидание на границе, возвращались мы в приподнятом настроении. Ему там предложили интересную работу. Увы, продержалось это настроение недолго. Все та же неизвестность с «Тихим Доном» душила его…»

В последние месяцы здоровье стремительно уходило из Бондарчука. Эти месяцы были замешены на крови (открылись три кровоточащие язвы), кофе и сигаретах. В конце концов все пережитые волнения вызвали у режиссера рак (недаром этот недуг называют болезнью печали). Врачи не сразу поставили диагноз – все думали, что с печенью что-то. Оказалось, поражено легкое и уже ничего нельзя поделать.

Уходил Бондарчук тихо. Перед смертью за два часа причастился и исповедался. На календаре было 20 октября 1994 года.

Рассказывает дочь режиссера Наталья Бондарчук: «Еще за год до смерти я почувствовала его уход из жизни и мысленно стала прощаться. Его семья боролась за его жизнь, и Ирина Константиновна особенно. И дочь Алена тоже. То, что он завершил фильм «Тихий Дон», – заслуга его семьи. Когда отец умер, Алена позвонила мне в Киев (я там была на съемках) и сказала только: «Папа…» И я все поняла. Мы обе очень долго рыдали. Мама тоже переживала. Но на кладбище к нему пошла одна, позже. Сейчас я поняла один свой долг – я должна снять фильм об отце…»

Спустя 15 лет – 7 ноября 2009 года – из жизни ушла и Алена Бондарчук. Как и отца, ее сгубил рак (эта болезнь чаще всего передается по отцовской линии). Похоронили дочь рядом с ее родителем на Новодевичьем кладбище.

Михаил Ульянов и Алла Парфаньяк
Маршал в кино и рядовой дома

Большинству людей, кто знал актера Михаила Ульянова как исполнителя ролей сильных и суровых мужчин, было невдомек, что в домашних стенах он являл собой совершенно иного человека – почти беспрекословно подчинявшегося своей супруге. Той самой женщине, которая вскружила ему голову в пору его юности и затем вившего из него веревки на протяжении более чем полувека. Как же они познакомились?

В апреле 1946 года в кинотеатре города Тара, в 400 километрах от Омска, показывали новый фильм «Небесный тихоход». Билетов было не достать, но 19-летнему Михаилу Ульянову повезло – он стал счастливым обладателем такого билета. Ему, человеку, который едва сам не стал летчиком (в 1944 году его хотели направить в летную школу, но затем призыв отменили), очень хотелось посмотреть эту комедию про героических «сталинских соколов», громивших фашистов на фронтах войны. В этом фильме блистала 22-летняя актриса Алла Парфаньяк (1923), увидев которую Ульянов тут же в нее влюбился. И потом еще несколько раз ходил в кино на «Тихохода» только ради того, чтобы взглянуть на эту актрису. Такую красивую и обаятельную в своей дебютной роли, да еще в окружении таких мэтров советского кино, как Николай Крючков и Василий Меркурьев. Мог ли представить 19-летний Ульянов, что спустя всего лишь несколько лет он не только будет играть на одной сцене с этой актрисой, но и станет… ее мужем? Конечно же, нет. Как и про многое другое в судьбе своей будущей жены. Например, про то, что на момент съемок в «Небесном тихоходе» Парфаньяк только-только окончила второй курс щукинского училища. Ее приняли туда во время войны, в 43-м, несмотря на то, что ее отец, профессор математики, в 30-е годы был репрессирован. Алла жила в Москве с мамой, польской аристократкой, и, как и все студенты театральных вузов, мечтала стать знаменитой. Фильм «Небесный тихоход» ее таковой и сделал. А тут еще на съемках в нее влюбился сам Николай Крючков, за которого она стремительно вышла замуж и родила ему сына, названного, как и отец, Николаем.

Не попав в летное училище, Ульянов в том же 1944 году записался в театральный кружок под руководством Евгения Павловича Просветова. Два года он «грыз» там гранит театральной науки, после чего решил – пора покорять Москву. Купил билет на поезд и отправился в столицу. В ГИТИС экзамены провалил, но зато был принят в то самое щукинское училище, в котором все еще училась Алла Парфаньяк (она была на последнем курсе). Но для первогодка Ульянова она тогда была недосягаема. А когда он узнал, что она к тому же стала женой Николая Крючкова, его мысли о знакомстве с ней и вовсе стали несбыточными. И он переключил свое внимание на других студенток.

В конце учебы у Ульянова завязался страстный роман со студенткой, которая училась на курс младше его – с Ниной Нехлопоченко (1928). Они практически не расставались друг с другом ни в училище, ни за его пределами. Мечтали о том, как вскоре окончат «Щуку», поженятся и будут играть в одном театре до старости. Но, как оказалось, это были всего лишь мечты. Во всяком случае, для Нины. Потому что однажды она уехала навестить своих родных в Одессу, а там, как назло, гастролировал Театр Вахтангова. Нина с подругами отправилась на один из спектаклей и познакомилась с музыкантом театрального оркестра Борисом Веселым (он играл на фаготе). И закрутился у них роман, который заставил девушку иначе взглянуть на свои отношения с Ульяновым. Она поняла, что больше его не любит. О чем она тут же ему и сообщила, вернувшись в Москву.

Сказать, что Ульянов был этим потрясен, значит ничего не сказать. Он был буквально этим раздавлен. Но удерживать бывшую возлюбленную силой он не собирался и во время их

последнего свидания сказал: «Дай бог, чтобы тебя кто-нибудь полюбил так же, как я, и чтобы ты не переживала того, что я сейчас переживаю!» Именно в тот миг в нем зародилось дикое желание доказать Нине, что она совершила страшную ошибку, за которую будет корить себя всю жизнь. Он решил во что бы то ни стало стать знаменитым. А уж если он что-то решил, то остановить его на этом пути было очень трудно.

В 1950 году Ульянов окончил училище и был распределен в Театр имени Вахтангова. В тот самый, где работала и Алла Парфаньяк. Но она считалась примой этого театра, одной из немногих его актрис, которая приезжала и уезжала из него на собственной машине, купленной ее звездным супругом Николаем Крючковым. Когда она подъезжала к театру на этом авто и выходила из салона в каракульчовой черной шубке и шляпке, пошитой самой известной в Москве модисткой, прохожие замирали в немом восторге. Разве могла Алла обратить внимание на какого-то безусого дебютантика Ульянова, бегавшего в массовке и одевавшегося, как провинциальный мужлан. Естественно, нет. Михаил тогда был гол как сокол и нищ, почти как попрошайка на паперти. Он жил в общежитии, где вместе с ним в одной комнате обитали еще трое таких же, как и он, нищих студентов. Когда однажды они варили пшенную кашу в кастрюле и та опрокинулась на пол, они вчетвером ползали по нему и ложками ели эту кашу, пока она была еще горячей. Если бы это увидела Парфаньяк, она бы просто упала в обморок от такого зрелища. Но Ульянов в глубине души продолжал верить в то, что его клятва, данная им себе во время последнего разговора с Нехлопоченко, будет выполнена. И шел к этому методично и упорно.

В 1951 году он вступил в ряды КПСС, чтобы эта мечта стала еще ближе. А вскоре после этого он узнал, что у Парфаньяк не все ладится в семье – их брак с Крючковым был на грани распада. Единственное, что удручало – Алла завела себе другого мужчину, причем он был из того же круга избранных, что и Крючков. Это был знаменитый актер Марк Бернес. Он тогда тоже был женат, но в актерской среде это мало что значило – понятия муж или жена там часто носят чисто условное значение. Эту истину Ульянов открыл, еще когда учился в щукинском, и она его тогда здорово поразила. Ведь в тех местах, где он родился и прожил первые 19 лет, такой свободы нравов все-таки не наблюдалось.

В споре с Бернесом Ульянов опять проигрывал. Но в дело вмешались непредвиденные обстоятельства. Жена Бернеса Паола в 1953 году внезапно забеременела (до этого родить ребенка у них никак не получалось), и он остался в семье. И вскоре на свет появилась дочь Наташа.

После этого Ульянов предпринял отчаянные попытки обратить на себя внимание Парфаньяк, но у него поначалу ничего не получалось. Дело дошло до того, что от отчаяния актер с головой бросился в омут пьянства. Он стал завсегдатаем веселых компаний, и на этой почве его выгнали из театра. По его же словам:

«Многие тогда махнули на меня рукой, мол, пропал парень… Но тут Алла подняла на ноги товарищей и заставила их просить за меня… Великое спасибо Рубену Николаевичу Симонову! Он сказал: «Вернуть в коллектив». А мог сказать: «Нет»… И как тут не верить в рок?.. Хотя судьба судьбой, а без властной руки Аллы я бы в одиночку не выплыл…»

Эта история заставила Парфаньяк обратить внимание на Ульянова. Именно из чувства жалости и родилась у нее потом любовь к молодому актеру. И, как говорится, пошло-поехало. Как признается чуть позже сама Алла:

«Миша меня на каток пригласил! Он катался залихватски. Да и мне нравилось. Миша, пытаясь показать москвичкам, что у себя в Сибири он только и передвигался на коньках, разогнался – и ка-а-ак дербалызнется об лед затылком, аж искры из глаз!.. Жалела. Тогда, может быть, и полюбила… Впрочем, нет, как увидела его впервые – сразу поняла: мой мужчина. Навсегда. И жалела, конечно – он такой деревенский, угловатый, неотесанный был. Окал, акал, какие-то скомканные сибирские словечки, каша во рту… Я его учила говорить. Ухаживал он

яростно, с такой неимоверной, невиданной страстью, что невозможно было устоять! А окончательно поняла, что мы будем вместе, в Варшаве…»

Речь идет о гастролях Театра имени Вахтангова летом 1953 года. Это была первая поездка Ульянова за границу, а вот Парфаньяк там уже неоднократно бывала. Принимали их фантастически – на всех спектаклях были аншлаги. Правда, актерам не разрешалось выходить в город по одному, а только пятерками. При таком раскладе побыть наедине Ульянову и Парфаньяк никак не удавалось. Но однажды Алла шепнула Ульянову: «У меня здесь живет родная тетка. Давай навестим ее вдвоем». Услышав это, Ульянов поначалу испугался – ведь он был членом партии, а тут ему предлагали фактически побег из пятерки. Но в то же время он понимал, что своим отказом может навсегда отвратить от себя Аллу, которая сочтет его за труса. К тому же кто мог дать гарантию, что Алла не сделала это специально, чтобы проверить его реакцию? Короче, он согласился. Как будет вспоминать потом сам актер:

«Я возражал, говорил, что Алла с ума сошла… Но мы поехали. Город производил какое-то нереальное страшное впечатление, будто декорации: почти сплошь руины. Тетя счастлива была, угостила, как сейчас помню, какой-то ветчиной тонкой… Этот поход в гости был большим риском для нас. Но если Алле что-то втемяшится в голову – переубедить невозможно!..»

Видимо, именно этот эпизод отмел последние колебания Парфаньяк в отношении Ульянова. И когда они вернулись на родину, между ними начался страстный роман. И это при том, что Парфаньяк все еще была замужем за Крючковым. И было непонятно, чего хочет актриса – отомстить ему мимолетной интрижкой или окунуться в очередной серьезный роман, который грозил расторжением звездного брака. Ведь у супругов подрастал сын Николай, который как раз пошел в школу и уже все понимал.

Однако влюбленные так хоронились, что даже в родном театре почти никто не знал об их романе. У Ульянова опыта в этом еще не было, зато Парфаньяк была великим конспиратором. Ведь она совсем недавно точно так же водила за нос мужа, когда встречалась с Бернесом, а теперь проделывала то же самое с Ульяновым. Более того, с Бернесом она окончательно тогда еще не порвала, но Ульянов об этом… тоже не догадывался. И какое-то время она стояла перед дилеммой, кого же ей все-таки выбрать – знаменитого Бернеса или безвестного Ульянова. Вот как об этом будет потом вспоминать ее подруга и коллега по театру Галина Коновалова:

«В 1955 году шел прогон сказки Маршака «Горя бояться – счастья не видать». Ничего особенного, но играл сам Рубен Николаевич Симонов (у него была роль царя Дормидонта, а Ульянов исполнял роль смекалистого солдата Ивана Тарабанова – главного героя сказки. – *Ф. Р.*). Мы с Аллой стояли в конце зала и смотрели за происходящим на сцене. И вдруг прямолинейно, как всегда, она спрашивает:

– Галь, тебе нравится этот парень?

– Какой?

– Вон тот, на сцене с краю.

– Кривоногий? Нет, не нравится.

– Да? А я думала…

– Что ты привязалась, Алка?

– Это Миша Ульянов. Я с ним живу…

Я была сильно удивлена выбором Аллы. И когда через какое-то время она опять меня спросила:

– Как ты думаешь: мне лучше все-таки дальше с Марком или с Мишей? – я твердо ответила:

– Конечно с Марком! Тут двух мнений быть не может!..»

Но Парфаньяк в итоге выберет Ульянова. Или все же сам Бернес не решился жениться на ней, хотя сама она этого очень хотела. Может, что-то в характере этой женщины его напугало

и он счел за лучшее не связывать себя узами брака с ней. Как покажет будущее, выбор окажется правильным. Спустя несколько лет Бернес женится на женщине, которая будет с ним до самой его смерти. А Парфаньяк тоже не останется внакладе, выйдя замуж за Ульянова.

На тот момент в его пользу было уже несколько существенных факторов. Во-первых, он был моложе Бернеса на 16 лет. А во-вторых, у него уже началась та слава, которая сделает его одним из самых заметных молодых актеров того времени. А началось все в 1955 году, когда на сцене своего театра Ульянов исполнил роль Ленина в спектакле «Человек с ружьем» по Н. Погодину. Такие роли абы кому в СССР никогда играть не позволяли. Затем подтянулось и кино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.